

Виктория Оленина

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

Виктория Оленина

Вересковый мед

«Издательские решения»

Оленина В.

Вересковый мед / В. Оленина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966194-4

Кому-то мешают полноценно жить воспоминания о каких-либо событиях: Великая Отечественная война, несчастная любовь, упавший на голову телевизор и т. д. Возле операционного стола профессор нейрохирургии Синельников — бог! Он спасает людей от смерти и одержим идеей коррекции памяти. опыты на лабораторных животных неудачны, а на людях проводить их Синельников даже не помышляет. И когда он почти подбирается к решению проблемы, приходит осознание — мир не готов к таким открытиям.

ISBN 978-5-44-966194-4

© Оленина В.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Эксперименты	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вересковый мед

Виктория Оленина

© Виктория Оленина, 2019

ISBN 978-5-4496-6194-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается

заслуженному учителю России,

преподавателю русского языка и литературы в школе 317

Адмиралтейского р-на С – Петербурга,

Потемкиной Тамаре Михайловне.

Вересковый мед.

Том 1.

Часть 1

Эксперименты

Всю сознательную жизнь профессор Игорь Петрович Синельников проработал нейрохирургом. Скольких людей он спас от неминуемой гибели, пальцев на руках не хватит. К нему привозили пациентов из разных регионов, все сложные, почти безнадежные случаи. Пару раз его вытаскивали прямо из постели, один раз пришлось прервать отпуск и прямо с курорта срочно лететь в клинику. Игорь Петрович не отказывался никогда, это была его работа, дело, которому он служил, не щадя себя. Теперь у Синельникова была кафедра, он стал знаменитым и уважаемым педагогом, воспитал три поколения хороших хирургов. Настала наконец пора подвести итоги и отправиться на заслуженный отдых тем более, что Синельников, как опытный врач, понимал, что болен. Организм все чаще подавал тревожные звоночки, поэтому он начал задумываться о приемнике, или приемниках, способных продолжить работу в НИИ. Только одно обстоятельство мешало Синельникову. Он так и не продвинулся в своих исследованиях. Дело в том, что Игорь Петрович уже много лет занимался изучением человеческого мозга. Про эту важнейшую часть организма Синельников знал почти все. Он видел, что это настолько сложный механизм, что изучить его деятельность до конца не удастся никому. Но какие-то отдельные участки можно хотя бы попытаться понять, например, блок памяти. Не большой, в общем то участок, а какой объем информации содержит! Сшивая поврежденные сосуды и ткани во время операций, доктор Синельников все время задумывался, а вдруг он случайно соединит сосудики не так, как они должны соединяться от природы? Что получится в результате? Патология? Или какое-то событие выпадет из памяти человека, которого он оперировал? А если оно было важным? При благополучном исходе, пациент придет в себя после наркоза, к нему начнет возвращаться зрение, память, начнут восстанавливаться двигательные функции, а что-так и не вернется. Каким будет это «что-то»? Какая из возможностей памяти человека исчезнет как симпатические чернила на свету? А если это, наоборот, облегчит человеку дальнейшую жизнь? Этой теме и посвятил Синельников всю свою жизнь. Толчок дала очень давняя история, несчастный случай, который произошел с девушкой.

В тот злополучный день девушка вышла из своей парадной на улицу, сделала несколько шагов, и тут, прямо на нее сверху упал телевизор. Старый ламповый огромный, он вылетел с лоджии 8 этажа и упал на голову несчастной девушки.

Пострадавшую быстро доставили на кафедру Синельникова. Никто не был уверен в успешной попытке спасти пациентку, но Игорь Петрович совершил чудо. Несколько недель реанимации, стабильно тяжелое состояние, никаких прогнозов, и вот появились первые признаки жизни. Потом были долгие дни и ночи наблюдения за больной. Удивительно, но девушка шла на поправку, когда она открыла глаза, и смогла ими ответить на вопрос: «Вы меня слышите?», то есть прикрыла и открыла их, профессор понял, что к ней возвращается слух, восстанавливается деятельность мозга. Больная понимает, о чем ее спрашивают, значит и зрение восстановится, и, скорее всего координация тоже.

В дальнейшем девушка заново училась говорить, хоть вначале и не внятно. Самостоятельно принимать пищу она еще не могла, но двигательная функция рук обязательно вернется, в этом Синельников был уверен. И все было бы хорошо, но один эпизод испортил все, что было достигнуто с великим трудом. Медсестра везла девушку в процедурный кабинет. На этаже была небольшая площадка со скамейками, обтянутыми дерматином, кадучками с цветами и плакатами с информацией, а в середине красовался большой цветной телевизор. Вот он то и попался на глаза пациентке. Она замычала, затрясла головой, губы у нее задрожали, в угол-

ках рта вспенилась слюна, забурлыкала, и голова несчастной, и без того слабо держащаяся на тоненькой шее, отвисла на бок. Медсестра завопила на весь этаж, сбежались все, и сестры, врачи, и больные, медленно прогуливающиеся по коридору. Синельников был в ужасе, он все понял: видимо, в момент получения травмы, девушка успела увидеть, что именно летит на нее сверху, просто не хватило реакции отпрыгнуть либо в сторону, либо резко назад. И теперь вид телевизора вызвал жуткое воспоминание, и как итог, она потеряла сознание. Но выжила. И снова работа, работа, без отдыха и покоя. С несчастной пациенткой поработал психиатр – гипнотизер, она перестала бояться телевизора, и продолжала лечение. Восстановились некоторые функции организма, все было благодаря доктору Синельникову. И все-таки произошел случай, резко разбудивший спящую память о том кошмаре, и от заново пережитого страха, у девушки остановилось сердце. Вот и все. Игорь Петрович чуть сам не схлопотал инфаркт.

И тогда в его голове родилась смелая идея. А что, если при операции попробовать убрать миллиметр ткани из «блока памяти»? Тогда, возможно, воспоминание о чем-то очень плохом или страшном, «не уснет», не «приглушится «под влиянием гипноза, а исчезнет навсегда? О своей «безумной» идее он, естественно, никому не говорил. Но подготовился тщательно. Сделал предварительные расчеты и записи, и приступил к опытам, с использованием подопытных животных, конспектируя все наблюдения. Работать одному над этим было невыносимо тяжело, но привлечь кого-либо из коллег Синельников не хотел и не мог. Опыты успехом не увенчивались, животные – не люди, а переходить на человеческий мозг, он даже не помышлял. Даже в кошмарных снах нельзя увидеть того, что могло бы произойти, если бы свои изыски Игорь Петрович обнародовал и вынес бы их на ученый совет! В лучшем случае, он закончил бы свою жизнь в психиатрической лечебнице, а в худшем – в тюрьме!

Время летело незаметно, и доктор Синельников, заслуженный врач, заведующий кафедрой в НИИ, перешел в пенсионный возраст. Пора было подумать о приемнике, кто из его учеников сможет сменить на боевом посту стареющего, не совсем здорового профессора. Из большого количества учеников он выделил двоих, наиболее талантливых и еле устремлённых, Алексея Веденева и Александра Балаганова. Оба давно и успешно трудились в клинике нейрохирургии. Синельников следил за судьбой этих ребят, потому что сразу после учебы, и тот и другой, встали к станку, как иногда шутят медики. Уже через полтора года слава о блестящих хирургах разнеслась по НИИ. Игорь Петрович гордился, что его ученики спасли уже ни одну жизнь.

Леша Веденев с детства мечтал стать артистом. Он неплохо играл на пианино, обладал хорошим слухом, умел танцевать, и просто пластично двигаться. По окончании школы, он сразу же подал документы в театральный институт. Основательно подготовился к экзаменам – выучил монолог Гамлета, сделал фотопробу в костюме и гриме, окрыленный прибежал на экзамен и С треском провалился. Оказалось, что у него слишком стандартный типаж.

«Поймите, молодой человек, Вы не интересны. Серая мышь на сером фоне, у нас таких много. Ваше будущее амплуа – человек из толпы! Вы хотите всю жизнь провести в массовке? Вы слишком стандартны, Вас никто не увидит и не запомнит!» – объяснял Леше председатель приемной комиссии. Парень был в шоке. Так старался и вдруг...

«А что, для того, чтобы стать актером, обязательно нужна внешность Фернандо?» – обиженно спросил он.

«Да, только не Фернанделя, он уже есть, вернее, был. А повторяться нельзя, пережеванное не вкусно. Нужна индивидуальность, всего доброго!» -ответил председатель и ушел.

От расстройства и обиды Алексей поступил в медицинский институт, попал на кафедру Синельникова и стал хирургом. В нем проснулась вдруг спортивная злость, и чем обиднее ему было за то, что судьба так безжалостно лишила его мечты, тем крепче вгрызался он в науку, от которой, как ему казалось, он был так далек. На удивление самому себе, Алексей Веденев

с каждым днем влюблялся в свою профессию все больше и больше. Иногда он задумывался, а может это и есть его призвание? Не лицедейство, а спасение людей? Каждый успех, каждую победу над болезнью или смертью, Алексей воспринимал, как победу над своими первыми страхами, а страхи были, вдруг что-то пойдет не так, вдруг он совершит ошибку, которая будет стоить жизни пациенту? Но он тут же вспоминал наставления профессора Синельникова «Что за раскисание? Ты не имеешь права бояться! Ты знаешь, что нужно делать и умеешь это делать! Вперед!»

В студенческие годы все ребята с его курса жили в общежитии. В гости к ним мало кто ходил. Человека, далекого от медицины, их «черный «юмор» вгонял в шок.

С девушкой Аней Леша познакомился на одной вечеринке, и они стали встречаться. Однажды он все-таки зазвал Аню в гости, купил торт, заварил чай. Ребята поставили стол на середину комнаты, накрыли его кружевной скатертью, и стали ждать девушку, которая обещала прийти с подружкой. Леша сразу предупредил друзей: «Если, не дай бог, кто-нибудь ляпнет, что чай в заварнике цвета мочи при гепатите, воткну в задницу скальпель! И так всех распугали своими медицинскими шутками!»

Мирно пили чай с тортом, шутили, смеялись, рассказывали смешные истории. Пока не вернулся приятель Алексея Саша, которого все в шутку называли «Шура Балаганов» как героя Ильфа и Петрова из «Золотого тельца». Саша действительно носил фамилию Балаганов. Он гостил у дальней родни на выходных, и возвратился с большущей сумкой провианта, который тетюшка ему нагрузила с собой.

Сашка поставил сумку и поприветствовал всех. Взгляд его остановился на Ане. Девушка слегка смутилась, но взяла себя в руки и весело сказала:

- «Привет! Какими судьбами?»
- «А ты что здесь делаешь? Меня ищешь?»
- «Нет, вот познакомилась с Алешей и пришла в гости.»
- «Ну, ну»

В разговор вмешался Алексей:

- «А что собственно, случилось?»
- «Ничего особенного, просто это моя девушка!»
- «Это как, твоя?»
- «Просто, моя!»

Аня, слегка, дернувшись, произнесла:

– «Шурик, если ты забыл, то напоминаю, мы с тобой расстались, между нами ничего нет, не было и не будет!»

Ребята переглянулись, кто-то пробурчал:

- «Назревает скандал, кажется!»

Как оказалось, Аня раньше встречалась с Сашей, недолго, так, несколько раз сходили в кино, прогулялись и все, разбежались.

Леша повернулся к Саше:

- «Шурка, не приставай к девушке, отвали, тебе ясно сказали, все!»

До драки дело не дошло, но Балаганов был на редкость мстительным по натуре. Напоследок он процедил сквозь зубы «Ну вы меня еще вспомните!» и ушел. Вечер был испорчен окончательно и бесповоротно. Аня тихо сказала:

- «Я тоже пойду, противно как-то!»
- «Аня, меня не волнует, что было раньше, главное, что сейчас мы вместе. Я тебя очень люблю!»
- «Я тебя тоже полюбила»

Аня улыбнулась, и они замерли в поцелуе. Ребята на цыпочках отступили к дверям и исчезли.

– «Зачем на бал пришел медведь?» – процитировала Аня фразу из старой комедии и погладила Лешу по голове.

Они поженились через год. У Алексея было много работы, он уставал, но домой летел радостный и счастливый.

Он работал под руководством профессора Синельникова, оперировал в клинике, съездил на стажировку в Израиль, затем на симпозиум в Германию. Синельников не раз заикался о том, что Алексею неплохо было бы заняться наукой, но тот категорически отказывался. «Я буду стоять у станка, в этом мое предназначение, дело, которому я служу!» говорил он, и продолжал работать, зарабатывал неплохие деньги, построил дом за городом, не особняк, конечно, но вполне приличный.

С Шурой Балагановым они почти не общались. Работа, вот единственное, что их связывало. Им не раз приходилось вместе быть в операционной, и как бы там не было, они оба были учениками Синельникова и понимали друг друга с полувзгляда. Отработали и все, больше ничего, старались не замечать друг друга. А позднее Балаганов ушел работать в больницу, и никто ничего о нем не знал. Правда, краем уха Леша слышал, что тот вроде бы уехал, а границу, но в подробности не вникал.

Игорь Петрович не спал уже вторые сутки. Он сидел в своем любимом кресле, пил маленькими глотками горячий зеленый чай и думал, много думал. После разговора с Балагановым у него на душе было настолько гадко, что сразу после его ухода, Синельников схватил из бара початую бутылку коньяка, налил в рюмку и залпом опрокинул в себя бархатное армянское содержимое. Такого он не позволял себе давно. Последний раз профессор прикладывался к спиртному после похорон жены, два года назад. Он чувствовал тогда себя одиноким и несчастным. Дети давно живут отдельно, появляются на горизонте крайне редко, пока была жива жена, только на семейные праздники. А как ее не стало, то и вовсе не спешили навестить отца. Раз в две недели, по телефону, справлялись о его самочувствии, и все. Да, на детях профессора природа однозначно решила отдыхать. Ни сын, ни дочь по стопам отца не пошли. Скорее наоборот, оба старались держаться от медицины подальше, даже разговоры на эту тему не поднимали. Дочка работала дизайнером, а сын, окончив горный институт, уехал с группой геологов куда-то в Сибирь. Потом, конечно, вернулся, но не к отцу. Сначала снимал комнату, затем квартиру, а чуть позже женился и переехал к жене. И остался Игорь Петрович один. Когда он понял, что каждодневное возлияние становится для него опасной привычкой, на употреблении чего – либо был поставлен жирный крест. Синельников с головой ушел в работу, домой приходил только спать.

В этот раз он тоже не выдержал, выпил, но сумел совладать с собой и перешел на зеленый чай. Это был способ снятия стресса и напряжения, изобретенный самим профессором и срабатывал четко. Мысли перестали быть хаотичными, все складывалось и вставало на свои места. Он вспомнил, где, когда и как его ученик следил за всеми его передвижениями. Теперь он понимал, почему так часто Саша оставался на работе, почему сталкивался с ним в НИИ в самое неурочное время, да еще в тех местах, где не должны были столкнуться. Одного профессор не мог понять, как же это он – человек неглупый и умудренный жизненным опытом, не разглядел в своем ученике карьериста, как мог принять обыкновенное банальное шпионство за интерес к науке, стремление к славе и к большим гонорарам, за желание помочь людям, которым это необходимо! Вот тебе и дело, которому ты служишь!

Синельников налил себе еще зеленого чая, сделал несколько глотков и встал с кресла. Неожиданно его пронзила мысль о том, что ведь Балаганов может и не остановиться на этом. Пойдет по головам ради достижения своей цели. А если с ним, Игорем Петровичем вдруг что-то случится, да не что то, черт побери, а конкретно, его не станет, тогда дети, вступившие в наследство, быстро решат вопрос. Ведь их будет интересовать только материально – финан-

совая сторона, а не его папки с записями, с результатами его исследований и прочего, скорее всего они даже не обратят внимания на его многолетнюю работу. В лучшем случае – выбросят на помойку вместе с сейфом. Если удастся сейф открыть, то даже не удосужатся посмотреть, что за папки с бумагами, и, тем более, не станут их читать, так как оба ненавидят медицину. Хотя, в том, что кто-то сможет открыть этот сейф, профессор сильно сомневался. Это была надежная конструкция, выполненная на заказ за границей. Однозначно, выкинут, как старый хлам. Но если придет некто и, принеся глубокие соболезнования, предложит выкупить это все, да к тому же за неплохие деньги, то все труды, на которые ушли годы изысканий, бережно хранимые до этих пор, будут проданы. Балаганов непременно этим воспользуется. Он – талантливый врач, умный и расчетливый человек. А что, если ему удастся найти то, чего не смог найти профессор? И если Игорь Петрович так за всю жизнь и не решился провести эксперимент с человеком, то Саша Балаганов обязательно начнет работать с людьми. «О, господи!» – у Синельникова на лбу выступила испарина. Ведь он то посвятил всю жизнь этой разработке исключительно в целях помочь людям, которым их воспоминания мешают полноценно жить! Ну, не получилось у него, все оказалось гораздо сложнее, чем он себе представлял. А если у Балаганова получится? Что тогда будет? И кто даст гарантию, что результаты не попадут в руки злоумышленников? Вот это уже реальная опасность. Скольким безумцам приходила в голову мечта о создании суперчеловека? А универсального воина? Да это тянулось издалека! Стоит вспомнить ВОВ, чудовищные эксперименты в концлагерях, не менее ужасные опыты в спец органах! У Синельникова поползли мурашки по телу, чуть не остановилось сердце! Только этого ему не хватало! Хотел быть полезным людям, а станет кем? «Доктором Смерть»?

Нет, сейчас умирать нельзя. Надо хорошо обдумать все и решить, что делать. Можно, конечно, достать все бумаги из сейфа и сжечь их, но было очень обидно. Столько сил было потрачено, столько времени! И в этот момент Синельников вспомнил о своем втором ученике – Леше Веденееве. Что ж, надо рисковать, и Игорь Петрович стал прокручивать в памяти картину тех лет, когда он был практикующим хирургом и преподавал на кафедре. Его ученик, Леша Веденеев был прямой противоположностью Балаганова. Он ни разу не зашел к профессору без стука, ни разу не вошел в лабораторию без разрешения. Зато он мог до ночи сидеть в библиотеке, работать с материалом, у него был живой интерес к делу. Он успешно сдал все экзамены и зачеты, и, конечно с радостью согласился, когда Синельников предложил ему работать в НИИ на своей кафедре. Во время операций профессор, не без гордости, наблюдал за своим учеником и наслаждался тем, как тот работал. Сосредоточенный взгляд, уверенность в движениях, все отработано до мелочей, никакой суеты. Как то, перед очень сложной операцией, второй на счету Веденеева, Игорь Петрович спросил Лешу, прямо возле операционной:

«Ну, что, Леша, боишься?»

На что тот ответил:

«Мы не имеем права бояться, Вы нас научили этому!»

«Да, научил» – думал сейчас профессор, и, изменив любимой привычки сидеть в кресле, бродил по дому, словно привидение.

Было тошно, но несмотря на это, он все-таки решился. Открыл свой волшебный сейф, сложил содержимое в портфель, с трудом поднял его и вышел на улицу. Он немного постоял возле гаража, подумал, но решиться сесть за руль в таком состоянии не смог. Вернулся в дом и позвонил своему водителю. Молодой шофер, только что отслуживший в армии, машину водил безупречно, как видно служба в автороте лавала отличные навыки. Парень искал работу, и Синельников пригласил его, чтобы иногда совершать поездки в качестве пассажира. Правда, он и сам неплохо ездил, но после очень тяжелых операций усталость давала себя знать, да и возраст тоже. Работа хорошо оплачивалась, и молодой шофер был доволен, что удачно устроился. График был, в общем то свободным, но иногда приходилось ехать по просьбе профессора. Он всегда был готов к выезду, хоть ночью, хоть рано утром, был исполнительным, пунктуальным

и что самое важное, нелюбопытным. На вызов Синельникова он прибыл через двадцать минут на своей машине, загнал ее во двор, и пересев в машину профессора, увез его по названному адресу.

Первое время после размолвки с Сашей, Алексей чувствовал себя неловко. Получалось, что он увел девушку у приятеля. Но ведь тот ни разу не обмолвился о том, что у него отношения с Аней. Но постепенно он понял, что ни в чем не виноват, ведь Аня давно дала понять Саше, что он получил «отставку». И, кстати, отнесся к этому очень спокойно, отставка так отставка! Но когда он вернулся из поездки и увидел, что Аня встречается с Лешей, то вот это его зацепило. Алексей пытался с ним поговорить, но Балаганов его игнорировал, да и Аню, собственно, тоже. Он еще какое-то время работал в клинике, а потом уволился и исчез.

Алексей Веденеев считал свою встречу с Аней судьбоносной, а брак – счастливым. Они любили друг друга, все решали вместе и были счастливы.

Однажды, когда Алексей уже возглавил клинику и зарабатывал вполне приличную по тем временам зарплату, он пришел домой улыбающийся чмокнул жену в шею и весело сказал:

«Собирайся, у меня для тебя сюрприз! Поехали!»

«Неожиданно! А поесть после изнурительной работы?» – так же весело ответила Аня.

«Потом, все потом, и поесть, и поспать, и еще кое-что! Потом!»

Быстро одеваясь, Аня заметила:

«Меня интригует это кое-что!»

«Значит, едем за сюрпризом, потом кое – что, а потом поесть!»

«А сюрприз большой?»

«– Ну, это посмотреть!»

– «Теперь я сгораю от нетерпения! Что же ты придумал?»

– «Потерпи, любимая, уже скоро!»

Машина свернула в сторону поселка. До него самого еще надо было ехать минут десять, но дорога уже закончилась. Хорошая дорога. И началась настоящая сельская трасса со всеми ее прелестями. Ехали, конечно, не долго, но рытвины, ухабы и откровенные ямы были настоящим испытанием и для машины, и для супругов Веденеевых. Подпрыгивая на каждой выбоине, машина жалобно кряхтела, а Аня хохотала до слез. Наконец, они остановились. Аня спросила:

«Это был твой сюрприз? Удался на славу! Я давно так не смеялась!»

«Нет, сюрприз вот!» – сказал Леша и показал рукой на вполне крепкий деревянный дом, обшитый вагонкой. Забор был обыкновенный, железный, покрашенный приятным красновато – коричневым цветом, с калиткой того же цвета с почтовым ящиком и номером. Алексей открыл калитку ключом и жестом пригласил жену. Во дворе была тропинка из гравия, ведущая прямо к крыльцу, а все остальное пространство было засеяно газонной травой. Конечно, Аня почти сразу догадалась обо всем, когда они притормозили возле дома, но решила сохранить интригу.

– «А внутрь попасть можно?» Алексей протянул ей ключи:

«Заходи, ты теперь хозяйка!»

Внутри дома присутствовала необжитость, не было мебели, слегка пахло свежей краской и шпаклевкой, но это была суцая ерунда, дело наживное. Самое главное – это все, что необходимо человеку для жизни, было подключено, проведено, проверено и работало безотказно.

Мечта о собственном доме была у обоих давно. Хотелось тишины, свежего воздуха, выезжать каждый выходной на природу они не могли. У Леши работа. Но жить в городе становилось с каждым годом сложнее. Алексей возвращался домой после сложных операций уставший и разбитый, падал на диван, засыпал еще в полете. Но ровно через пятнадцать минут у соседа за стеной начиналось очередное пьяное застолье, с оглушающей музыкой и дикими воплями. Изредка выходной у него выпадал на воскресенье. Тогда Леша, постояв немного под душем,

затем растерев спину сухим полотенцем, он, сладко потягиваясь, ложился рядом с Аней, предвкушая, как после пробуждения, его будет ждать яркий и горячий секс, мгновенно выключался. А сосед сверху, словно дождавшись этого мгновения, включал дрель и начинал долбить стены. Это продолжалось уже несколько лет, но ремонт у соседа все никак не заканчивался, лишь иногда, в разгар дачного сезона, у него в квартире наступала долгожданная тишина. Наконец, у Алексея появилась возможность приобрести собственный дом. Скромный, небольшой, но он был счастлив. Возвращаясь домой после просмотра нового дома, Леша сказал Ане:

«Анюта, переедем, обживемся, и пора будет подумать о ребенке!

«Наверное, пора»

«Нет, правда пора. В доме можно обустроить детскую, красивую цветную комнату, заваленную самыми лучшими игрушками. Во дворе сделаем качели, карусели, площадку для игр на свежем воздухе. Здорово, правда?»

«Конечно, здорово, и лес недалеко, значит, после летних гроз или ливня будет озон! Кстати, а стены в детской ты какого цвета планируешь сделать? Розовые ли голубые?»

«Я думаю, надо сделать нейтральные, чтобы никому обидно не было. Например, салатовые с бледно – оранжевыми! И для дочки комфортно и для сына, или для обоих вместе! И неважно, кто будет первым!

«А ты сколько детей запланировал?» – с улыбкой спросила Аня.

«А сколько бог даст!»

Но детей все не было и не было. Веденеёвы проверились у лучших специалистов. Вердикт был однозначный – оба здоровы полностью. Значит, надо еще подождать и быть вместе подольше и побольше. Через некоторое время Аня уехала в санаторий по путевке, а Леша сидел дома и смотрел телевизор. В кои то веки выдался выходной, и ему хотелось ничего не делать, отдохнуть от всего и тупо смотреть старый, затертый до дыр фильм. Сквозь дрему Алексей услышал, что возле его дома остановилась машина, и удивился, неужели к нему? Он никого не ждал, но звонок, расположенный на калитке и проведенный в дом, все-таки звякнул. Он накинул спортивную куртку и нехотя поплелся открывать. Кого угодно мог представить Леша за калиткой, но только не профессора Синельникова, своего учителя.

«Господи, Игорь Петрович! Какими судьбами, да еще в такое время? Что-то случилось? Он вдруг разволновался и тараторил, сам себе удивляясь.

«Извини, что в столь неурочное время. Да, Алеша, случилось! Мне срочно нужен твой совет и твоя помощь! Прости еще раз за поздний визит!»

Ничего, все нормально, раздевайтесь, проходите!» – Леша помог профессору снять плащ и пригласил его в комнату, обратив внимание на то, что в руках у Синельникова был увесистый портфель. Он моментально налил в кружку горячего зеленого чая, наполнил вазочку медом, хорошо зная привычки своего учителя. Синельников сделал пару глотков чая, немного успокоился, и начал рассказывать про все, что произошло. Он рассказал Леше и про визит Балаганова, и про себя, и про свою работу. Говорил долго, делая паузу лишь для того, чтобы сделать глоток чая, и снова продолжал свой рассказ. Леша слушал очень внимательно, ни разу не перебив, лишь когда тот закончил, подождав две – три минуты, спросил:

«Игорь Петрович, то, что я услышал, меня, честно говоря, удивило. Но как неожиданно открылось истинное лицо Шурки Балаганова! Но чем я могу быть Вам полезен?»

«Понимаешь, Леша, жить мне осталось судя по всему, недолго, не возражай, я – врач, я – старше, и знаю, что говорю. И я прошу тебя, возьми мои работы, ознакомься с ними очень внимательно, возможно, у тебя получится то, что не получилось у меня. Оставь у себя это все и помни, ни одна живая душа не должна знать об этом, Мои разработки не должны попасть кому-то в руки. У тебя есть место, где можно спрятать надежно что – либо?»

«Да, конечно, найдется место, куда даже моя жена не доберется, хотя от нее у меня тайн не было никогда.»

«Вот и хорошо! Я хоть буду знать, что никто с помощью моих трудов не причинит вреда никому! А ты, Алеша, попробуй поработать с этим материалом, быть может это будет что-то новое в нейрохирургии, прорыв. Наука не должна стоять на месте всё идет вперед, и технологии и методы лечения!» - профессор поутих, и теперь смотрел на Алексея, словно пытаясь прочесть в его глазах ответ. Алексей тихо, одними губами проговорил

«Поиск философского камня и вся жизнь!»

«Ты это о чем?»

«Да, так, мысли вслух!»

«Господи, Леша, я, получается, тебя подставляю! Прости меня, старого дурака, но у меня не было умысла! Знаешь, давай мы с тобой сожжем это все к чертовой бабушке, разведи огонь, и мы уничтожим этот бред! Я не хочу портить тебе жизнь. У тебя все в порядке, ты – хороший специалист, а лучшее, как известно, враг хорошего!»

«Нет, Игорь Петрович, так нельзя! Вы посвятили этим разработкам почти всю жизнь! Я продолжу работу, ну а если ничего не получится, вот тогда я сам уничтожу все!»

После этого вечера Алексей периодически заглядывал в записи Синельникова и не переставал удивляться, сколько энергии, знаний таланта было в этом человеке. Но решиться испытать методику он так и не смог. Идея, когда-то пришедшая в голову профессору, казалась Алексею настолько безумной, дерзкой и фантастической, что иногда ему становилось не по себе. Конечно, он дал слово профессору, что обязательно изучит все материалы, и он сдержит свое обещание, но и только.

Работая за границей, Саша Балаганов не находил себе места от мысли, что он так и не сумел разгадать замысел своего учителя. Из того, что он успел просмотреть, прочитать и выписать, суть задуманного была ему понятна. Гениальный проект! А какая тема для диссертации! Мировая известность, Нобелевская премия, своя клиника в благополучной западной стране и огромные деньги – вот о чем он думал постоянно, и днем, и ночью, и на работе, и на отдыхе. Любой проект требует немалых вложений, но за это Александр не переживал. Найдется и спонсор, и тот, кто добровольно согласится принять участие в эксперименте.

Саша закончил дежурство, переоделся и отправился домой. Но возле ворот клиники ему попался на глаза огромный автомобиль цвета «мокрого асфальта», и он поймал себя на мысли, что раньше никогда не видел здесь этой машины. Он пошел к своей, вертя в руке ключи, но немного не дойдя, услышал, что его кто-то окликнул: «Доктор Балаганов?» Саша оглянулся, но ответить не успел, в лицо ему резко прыснули какую-то жидкость, и он отключился.

Сознание медленно возвращалось. Саша начал различать очертания предметов, которые были вокруг. Он сидел в мягком уютном кресле, в своей одежде, не было только плаща, в котором он выходил на улицу. Правда, свой плащ он увидел на висящем на «плечиках», на вешалке «рогатке», стоящей у двери. Комната, где Саша находился, была большая, светлая, обставленная со вкусом. Окна до самого пола, со слегка отогнутыми вовнутрь фрамугами. Он еще раз осмотрелся, и в это время в комнату вошел высокий, худощавый мужчина. На вид ему было не больше пятидесяти лет, аккуратно подстриженный, с легкой сединой на висках. На нем был шикарный костюм, галстук в тон рубашке, безукоризненно чистые лакированные полуботинки. Мужчина очень внимательно посмотрел на Балаганова, и, убедившись, что тот полностью пришел в себя, начал разговор:

«Александр, я сразу же хочу извиниться, что пригласил Вас к себе столь не популярным способом!»

«Мы знакомы?»

«Нет, точнее Вы меня не знаете. А я знаю о Вас некоторую информацию. Меня зовут Данес Вайдис.»

«И что это за информация?» – спросил Саша, нарочно не произнося традиционного «очень приятно!» Ему было очень неприятно! Незнакомец ему сразу не понравился.

«Вы – успешный нейрохирург, работаете в клинике «Суоми – центр».

«И чем я могу быть Вам полезен?»

«Простите, Александр, но у нас очень мало времени, поэтому я сразу перейду к делу. Нам не обходима Ваша помощь, как специалиста. С одной из наших коллег случилось несчастье – она попала в автокатастрофу, и нужна срочная операция по Вашему профилю.»

«У Вашей коллеги есть повреждения? Какие?»

«Имеет место черепно – мозговая травма»

«Но почему я? У Вас нет недостатка в специалистах!»

«Насколько мне известно, Вы – один из лучших! И в данном случае справитесь только Вы. Итак, самое главное условие: Вы оперируете пациентку, но операция заканчивается неудачно сделали все, что смогли, но травма оказалась слишком серьезной, и как итог – летальный исход! За свою работу Вы получите очень большие деньги!»

«Я Вас не совсем понял, я что должен убить человека на операционном столе? Вы это серьезно?»

«Абсолютно серьезно. И поспешите, время уходит!»

«Позвольте, Вы сумасшедший или маньяк?»

«Ни то, ни другое. Я – деловой человек, если хотите – коммерсант. И очень ценю и свое, и чужое время! И потом, величина гонорара может быть увеличена»

«Видите ли, г-н Вайдис, я врач, а не убийца! Я учился спасать людей, а не убивать их! Могу я узнать, кто эта пациентка и почему ее нужно убить?»

«Можете. Я возглавляю коммерческий отдел при кафедре трансплантологии. Коллега тоже работала у нас. А потом решила, что информация о деятельности кафедры должна стать общедоступной. А это недопустимо!»

«Я понял. Девушка собиралась „слить“ информацию о темных делишках, а Вы в этом не заинтересованы, и тем самым она подписала себе смертный приговор! Та авария, в которой она пострадала не была случайной, верно?»

«Вы умный человек и все правильно поняли. У Вас нет другого выхода. Вы сегодня узнали слишком много!»

После этих слов Вайдиса в комнату вошли два молодых человека, напоминающих по телосложению атлантов, поддерживающих колонны Эрмитажа в Ленинграде, с квадратными физиономиями и пустыми безразличными глазами. Балаганов спросил:

«Я могу подумать?»

«Нее более 15 минут!» – резко ответил Вайдис и вышел.

Саша все понимал. Его мозг работал на полную мощь в отчаянном поиске какого – либо решения по спасению своей жизни. Если отказаться, то скорее всего эти товарищи вывезут его куда – нибудь в лес, пристрелят и закопают, прямо сейчас, через эти 15 минут. Его даже искать никто не будет, а в клинике, где он работает, при появлении вот таких молодцев, скажут, что вообще не знали и не знают никакого русского доктора. А если согласиться прооперировать, а точнее – убить пациентку, то кто даст гарантию, что потом его тоже не ликвидируют? Скорее всего так и будет. Либо просто прикончат, либо разберут на запчасти, дабы не оставлять следов! Здоровьем он не обижен, может сгодиться. Похоже, что дело у них организовано четко. Но одна, ненадежная, слабенькая надежда все же промелькнула, и Саша решил попробовать, терять нечего, исход один – печальный.

Вернулся Вайдис. Парни в дверях продолжали молча стоять в ожидании приказов.

«Вы подумали?» – спросил он.

«Я согласен. Но у меня есть вопросы, и хотелось бы услышать ответы на них»

Я Вас слушаю. Едем, а по пути я отвечу на все вопросы.» Когда они сели в машину, Саша сразу начал разговор:

Зачем нужна эта показушная операция?»

Дело в том, что отец этой девушки очень богатый и влиятельный человек. Если он узнает, что его дочь не пытались спасти, то сотрет с лица земли и нас, и нашу клинику, и очень повредит репутации профессора Шрейдера, известного во всем мире врача – хирурга. Кстати, он уже вылетел из США, прервав важное мероприятие и скоро будет здесь. Необходимо, чтобы он видел, какая работа была проведена.»

«Я слышал о профессоре Шрейдере, он совершает чудеса хирургии! Вы думаете, что влиятельный папа не догадается, что происходит? И легко поверит, что такой человек, как профессор не справился?»

«Это не Ваша проблема., док!»

«Далее, я должен осмотреть пациентку, мне понадобятся особые инструменты и, как минимум, ассистент, а лучше – два»

«Операционная полностью готова, можете удостовериться, и помощник у Вас будет!»

Саша был искренне удивлен по приезде на место. Операционная была оборудована по всем современным требованиям, все было очень дорогое, инструменты разложены по всем правилам, полная стерильность, аппаратура была германского и швейцарского производства – мечта любого хирурга. Такое доктор Балаганов видел исключительно на выставках, преимущественно на зарубежных. Медикаменты также были подобраны и разложены по порядку их применения. Саша надел специальный костюм, после дезинфекции рук выбрал себе подходящие перчатки и маску. Привезли пациентку. Александр внимательно осмотрел девушку, находящуюся под снотворными, и распорядился:

«Анестезия, на два часа!» Затем подошел к Вайдису:

«Слушайте, Вайдис, а что, если я предложу Вам другую схему?»

«И какую же?»

«Я буду оперировать эту девушку, но исход операции будет иным. Возможно, она будет жить, но никогда в жизни не вспомнит, кто она, почему здесь, и вообще всю свою предыдущую жизнь до аварии не вспомнит. Ее существование начнется с «чистого листа»

«Вы серьезно, или это какая-то игра? Не советую со мной играть, Вы не в том положении!»

«Я вовсе не играю. А предлагаю вариант, когда «волки сыты и овцы целы»!

Вайдис в русские поговорки не вникал, он хорошо владел русским языком, но фольклор ненавистной ему национальности, не любил и не понимал. Видя, что Вайдис пребывает в некотором недоумении, Саша пояснил:

«Это новая, не опробованная методика, результат многолетних исследований. Масса опытов на животных, и ни одного на человеке. Уж раз так сложилось, почему бы не попробовать! Согласитесь, найти добровольца очень сложно, а тайные испытания могут привести к серьезным неприятностям. А здесь уникальный случай, пациентка все равно обречена, если опыт пройдет неудачно, можно считать, что свою часть договора я выполнил. А если все получится? Сразу решатся многие проблемы, и я в свою очередь, начну работать по новой методике, для меня это важно! Внести такой научный прорыв – дорогого стоит! И так, Ваше мнение?»

Вайдис молчал и думал. И удивлялся, как могло такое случиться, молодой врач, по сути, сопляк вот так запросто взял инициативу в свои руки, и делает предложение ему, Данесу Вайдису, диктует свои условия вместо того, чтобы, дрожа от страха, бежать выполнять его распоряжения! Вот как сейчас оценить ситуацию? Придумывает небылицы, чтобы любой ценой отвертеться? Поистине, русских понять сложно. А может и правда интересная идея, сулящая в будущем огромные гонорары?

«Хорошо, я вернусь через несколько минут. Присядьте, пока»

Вайдис знал, что в соседней комнате сидит Шрейдер и смотрит на мониторе все происходящее. Рядом с ним находится переводчик. В отличие от Вайдиса, профессор русским языком не владел, поэтому внимательно слушал все, что ему переводили. Вошел Вайдис.

«Г-н Шрейдер, что Вы думаете по этому поводу?»

«Я думаю, что надо попробовать. В конце концов мы ничего не теряем. Если что-то пойдет не так, всегда можно «зачистить всех».

«Чистилище» у профессора было на самом высоком уровне, его, кстати, тоже возглавлял Вайдис. Он никогда не интересовался, кто здесь главный, а кто – исполнитель, не задавал вопросов. По связному телефону делались заявки или запросы, затем он встречался со Шрейдерам там, где тот указывал, оговаривали детали и все. Лишние вопросы не приветствовались, любопытство было наказуемо. Решения профессора не обсуждались. Все идеи русского доктора показались Вайдису бредом, фантазией, но ему ничего не оставалось, как дать тому шанс. Что ж, пусть попробует!

Балаганову было предоставлено все, что необходимо, операционная укомплектована полностью, медикаменты, свежие анализы пациентки, а также полный отчет о предыдущей операции.

«Ну, что же, док, приступайте!» – распорядился Вайдис.

«Подберите мне ассистента, желательно, не из болтливых, мне бы не хотелось, чтобы ряд манипуляций стал доступен посторонним!»

«Не беспокойтесь. Сейчас Вам будет предоставлен Ваш коллега, Врач и ассистент в одном лице.» – ответил Вайдис. В его голосе едва заметно появились нотки раздражительности. Он подумал: «А этот русский не прост, ох как не прост, его голыми руками не возьмешь! Наглость нарастает с каждой минутой, а что будет дальше?» – а вслух громко позвал:

«Фройляйн Вероника, подойдите к нам!»

В операционную вошла молодая женщина, полностью экипированная для операции. Сквозь прозрачные специальные очки на Сашу смотрели серые сосредоточенные глаза, а всего остального было не видно.

«Познакомьтесь, это фройляйн Вероника, хирург высшей категории, она тоже русская, поэтому вам не сложно будет понимать друг друга. Что же, удачи, господа медики!» – и Вайдис покинул операционную.

Операция прошла успешно, не было причин для тревоги, все приборы показывали норму. Доктор Балаганов вышел на балкон подышать. Оставалось дожидаться, когда девушка проснется после наркоза и следить за самочувствием. Для отдыха Саше предоставили великолепную комнату, все было под рукой. Сразу же после операции, когда он принял душ, ему принесли обед, вкусный, сытный и сбалансированный. Он сразу же заметил, что продукты были высочайшего качества, соответствовали всем нормам по витаминизации и совместимости между собой. В какой-то момент, уплетая за обе щеки мясо, Саша вдруг рассмеялся. Просто ему вспомнились студенческие годы в общежитии, когда они варили суп из пакетиков, содержащих в своем составе уникальные, сухие, серые катышки, непонятного происхождения и вкуса, именуемые «мясом». И то в хорошие дни, то бишь сразу после получения стипендии. Через два, максимум, три дня от стипендии оставались лишь грустные воспоминания, и вечно голодные студенты давились пирожками по десять копеек, купленными прямо на улице и начиненные чем – то мерзким, жидким, не ясной этиологии, от которых потом крутило живот и мутило. Спасались активированным углем, и большим счастьем было, если кому-то приходила посылка от родителей. Все сразу слетались, как коршуны, и от посылки счастливого почти ничего не оставалось. Но все –таки правы те, кто считал эти годы лучшими, ведь столько воспоминаний, старые фотографии всей группы на «картошке», бессонные ночи по разным причинам, у кого по любви, у кого по игре в карты до утра, после чего наступал «богатый» сон на лекциях! Все это было, и было здорово!

+ + +

Когда Аня Веденева сообщила мужу о своих подозрениях, он сначала впал в «ступор» и простоял столбом минут пять. Потом, уж более осмысленно посмотрел Ане в глаза. Она улыбалась, а ее глаза блестели, как самоцветы. Леша поставил сумки на пол и присел на корточки, не отрывая взгляда от жены.

«Нет, это правда, Аня?»

«Похоже, что так. Но я завтра схожу в консультацию, хотя все признаки налицо!»

«Ура! Ура-а-а!» – завопил Леша и начал скакать вокруг жены, изображая лихого джигита с криком «Ас-са!» Аня смеялась и хлопала в ладоши в такт лезгинки. Наконец, Алексей успокоился, раз сто поцеловал жену и только потом вспомнил про сумки с продуктами. Они вдвоем весело разложили все по местам, поужинали и стали строить планы на будущее, уже с учетом новорожденного мальчика или девочки. В любом случае, Леша предполагал и того, и другого, а кто родится раньше, неважно.

Беременность у Ани протекала нормально, были, конечно, отдельные моменты, тошнота по утрам, но до рвоты дело не доходило, особых опасений это не вызывало.

Дни шли размеренно, в свое дежурство в клинике, Алексей был сосредоточен на работе, а едва оно заканчивалось, он мчался домой, не забыв при этом заехать в магазин и прихватить к ужину сочных фруктов для Ани.

За этот период в клинике случились только два крайне тяжелых случая: женщина после ДТП и молодой лихой мотоциклист. Оба случая совпали с дежурством доктора Веденева. Молодого парня довезли, Леша его прооперировал, сделал все возможное, но прогнозов родне он дать не мог.

А вот у женщины шансов не было абсолютно. Ее полтора часа доставали из искочевряженной машины с помощью автогена. Повреждения у нее были чудовищные, но поскольку в ней еще теплилась жизнь, конечно же, беднягу доставили в клинику. Впервые за всю свою врачебную практику, доктор стоял возле пациентки и не знал, что можно здесь сделать. Он стоял и тупо ждал, когда сердце остановится, фактически, она уже умерла, но пока был хоть один толчок сердца, констатировать смерть он права не имел. Рядом с ним находилась новая медсестра, которая появилась в клинике не очень давно. Девушка была очень серьезная, знающая, опытная. Она работала отлаженными четкими движениями, мгновенно реагировала на распоряжения врача. Алексей давно заметил, что у этой сестры, ее звали Вероника, навыки хорошего врача, и ей надо непременно учиться дальше, из нее получится хороший специалист. С пациенткой все закончилось.

«Вероника, зафиксируйте время смерти» – сказал погрузневший Веденев и вышел из опер блока.

Домой он приехал немного грустный, но едва переступив порог, сразу же выключил врача, убрал подальше, вглубь, а включил Лешу, любящего мужа, счастливого мужчину, ожидающего появления первенца.

Не так давно Алексей встречался с профессором Синельниковым и ему не понравился вид Игоря Петровича, было видно, что он здорово сдал. Леша предложил ему лечь на обследование, на что профессор рассмеялся, и, похлопав ученика по плечу, ответил:

«Спасибо, Леша, но уж уволь меня от этого! Сколько я еще протяну, все мое! Любое вмешательство резко сократит мое пребывание на Земле. Не переживай, со мной все в порядке. Я тебя очень прошу, не отдавай мои бумаги никому, никто не знает, что я отдал все свои разработки тебе, и не должен знать! Выполни мою просьбу: если тебе все это не принесет ничего полезного и нужного, сожги все, до последнего листа.»

«Я клянусь Вам, Игорь Петрович, никто никогда не увидит этих документов, если они мне не понадобятся, я лично уничтожу их.» Больше разговоров об этом между ними не было никогда. Позднее Леша был плотно занят делами, времени посмотреть документы, надежно

спрятанные в доме, не хватало. Ну, а когда он узнал о том, что станет отцом, и вовсе не до бумаг было. Периодически он, конечно, вспоминал об этом, но, чтобы полностью разобраться в записях и понять, что к чему, нужно время, ой, как много времени и внимания, а этого то как раз и нет. Иногда на Лешу накатывало чувство неловкости, все-таки человек доверил ему важное, а он, как последний жлоб, не находит возможности поработать над бумагами! Сейчас хоть причина уважительная!

Вскоре профессор Синельников умер. Эта печальная новость мгновенно пронеслась по всему НИИ, словно смерч, и не только по НИИ, где покойный проработал всю свою жизнь, но и по всем крупным клиникам Союза и за рубежом. Внизу, в фойе, сразу же появился стол, накрытый чем-то красным, бархатным, над ним повесили большую фотографию Игоря Петровича с черной траурной ленточкой на уголке. По бокам поставили маленькие поминальные свечи, а для цветов принесли большую керамическую вазу. Однако, букетов к вечеру было столько, что ни вазы, ни стола явно не хватало, тогда люди стали складывать цветы прямо на кафельный пол. Алексей чувствовал себя каким-то виноватым, нет, ни в смерти профессора, а в том равнодушии, которое он допустил, так и не поработав с бумагами. А ведь Синельников, может быть ждал до последнего, что его ученик придет к нему поделиться своими мыслями относительно его трудов? И не дождался. Вот почему так происходит? Почему человек так устроен? Почему вспоминает все хорошее тогда, когда уже поздно, когда ничего исправить нельзя? Почему нам не хватает времени придти к другому человеку, будь то друг, брат, сват, кум, престарелый родственник, просто придти и сказать что то хорошее, то, что приятно будет услышать? Лишний раз сказать любимому человеку о том, как как ты его любишь! Другу – пожать руку и сказать ему, что он так тебе дорог! Стареющим родителям – сказать слова благодарности за то, что они подарили тебе жизнь! Нет времени? Занят на работе? Занят собой? Да, все именно так! Потом, скорбно склонив голову у могилы навсегда ушедших – любимых, друзей, родителей, можно сколько угодно кричать, завывать о том, что жаль расставаться навсегда, уже никто тебя не услышит, говори – не говори! Все, ты опоздал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.